

Г. Линденау обещает доставить к понедельнику смету на аптеку и планы старым строениям.

Г. Эверсман еще не возвратился из путешествия. Луковицы с Мыса доброй надежды получены, посажены и, кроме двух, все принялись.

Прошу Вас покорнейше поклониться от меня княжне Марфе Ивановне, Олене Давыдовне и Татьяне Михаловне.

С отличным уважением и преданностью к Вам и Александре Семеновне честь имею называться

Вашего превосходительства

покорнейшим слугою

Николай Лобачевский

1830

Августа 14 дня.

Пометы М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 15 ав[густа] 1830»; «Отвечал 15 августа».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 13.

312

Донесение Н. И. Лобачевского как ректора Казанского университета Совету Университета о мероприятиях, предпринятых им в зданиях Университета в связи с холерою

27 сентября 1830

Совету императорского Казанского университета

Совет Казанского университета в заседании 13 сентября сего года по предъявлении от меня свидетельства врачей *об оказавшейся болезни* холере в городе *Казани* постановил: учение в университете, гимназии и народном училище закрыть, а прочие распоряжения по сему случаю возложил на меня, о чем и господину попечителю было донесено. Того же 13 сентября, будучи приглашен в 11 часов утра г. губернатором для совещания, узнал я, что город приказано еще ночью перед сим оцепить, как зараженное место. Посему, возвратившись в Университет, поспешил я с согласия гг. членов тогда находившихся в казенных зданиях предписать г. экзекутору об охранении живущих в Университете. Это предписание заключалось главнейше в том, чтобы большой квартал Университета был всегда заперт, чтобы вода, съестные припасы и все необходимо нужное, доставлять и подвозить на один из отдельных дворов, откуда в назначенное время должно принимать все вещи уже другим людям. Все входы в большой квартал приказал я запереть, оставя один, у которого часовой и при нем дежурный впускали бы одних врачей, священника и принимали бумаги. Для рассылки в городе отряжены были люди, помещенные особо в доме, Анатомическим театром занимаемом, которые должны выходить на свободный воздух в дехтяном платье и с соблюдением правил для предохранения себя от заразы. По совету с г. Эверсманом учредили мы две боль-

ницы, исключительно назначив их для одержимых холерою, одну в клинике Университета для служителей и другую в главном корпусе в отделенных от прочих покоях для чиновников. С прекращением учения в Университете я дозволил поместиться некоторым из гг. чиновников в свободных аудиториях с тем, чтобы при оцеплении Университета могло их быть охранено здоровье, а в случае болезни могли бы они найти скорую помощь. Некоторые из своекоштных студентов приняты мною также в Университет и помещены с казенными и пансионерами, с которыми сообщение всем воспрещено, кроме лиц, над ними надзирающих и людей, им прислуживающих. Все вообще чиновники, помещающиеся в казенных зданиях, пользуются лекарствами и съестными припасами, в должном количестве, заблаговременно приготовленными, и даже пищею от стола студентов, дабы избежать излишне отяготительного для них хозяйства и уменьшить тем все случаи, которые людей при отправлении ими работ подвергают болезни. Вознаграждение издержек казны может быть впоследствии сделано по счетам, которые ведутся экономом студентов и ординатором клиники. Университетскую клинику и живущих в Анатомическом театре поручил я особенному надзору г. ординатора клиники Дмитриевского, как чиновника надежного, и который действительно мое доверие к нему совершенно оправдывает. Всякий из живущих в зданиях Университета при сих распоряжениях не может и не имеет нужды нарушать строгие правила оцепления, которые по донесению моему господин попечитель нашел весьма благоразумными, предписав к тому 17 сентября № 1606 оцепление вокруг Университета не снимать без разрешения его превосходительства, хотя бы холера, по милосердию божью, и прекратилась в Казани. Сентября 14 отношением от 13 сентября за № 8156 г. Казанский гражданский губернатор уведомил меня, что по случаю появления признаков болезни холеры им тотчас сделаны были распоряжения об оцеплении Казани и прекращении всякого сообщения благополучных мест с зараженным городом на точном основании высочайшего повеления, объявленного г. губернатору г. министром внутренних дел. В указе Правительствующего Сената 26 сентября сего года изъяснено, что, по высочайшей воле, все места, где появится холера, должны быть оцеплены. В объявлении от г. министра внутренних дел 14 сентября предлагается для предохранения от холеры все вещи, с которыми может быть принесена зараза, омыwać хлориновыми растворами, а письма окуривать. Так как того же самого 13 сентября в ночь на 14 число один из живущих в зданиях Университета а. п. Протасов занемог и умер чрез несколько часов от холеры, заразившись, вероятно, где-нибудь в городе накануне, то уже и по сей причине во исполнение высочайшего повеления, живущие в зданиях Университета не должны иметь более сообщения с прочими жителями в городе; да и внутри Университета таких дворов с теми местами, где находятся больные в холере, не должно допускать никакого сообщения, как и наблюдается в строгости по моим распоряжениям.

Письма же и всякого рода бумаги и вещи, принимаемые у главного входа, окуриваются хлором или обмываются хлоровыми растворами. Наконец, я за нужное почел все платье и вещи, находившиеся при больных холерою, или сжигать, или обкуривать хлором или по неудобности сносить в отдаленные сараи до времени. Постели же, на которых лежали умершие от холеры, приказано от меня сжигать непременно. Может быть только сии меры и в состоянии были предупредить внесение болезни в Университетские здания или предохранить важные последствия от влияния поветрия; ибо до сих пор из числа 80 студентов ни один не был болен *даже* легкими припадками холеры; а из числа всех 560 человек, живущих в *главном квартале* Университета больных холерою было 12-ть.

Доводя о всех сих распоряжениях моих до сведения наличных членов Совета и объяснив, таким образом, то положение, в котором Университет должен находиться, покуда не прекратится в городе заразительная болезнь, я ожидаю, что они признают оцепление Университетских зданий необходимым как исполнение высочайшей воли и полезным, как доказывает самый опыт. С сим вместе предлагаю сим гг. членам Совета на рассмотрение, каким образом должно быть, по их мнению, продолжаемо производство дел по управлению Университета и Округа или по крайней мере решение тех, которые не терпят отлагательства.

Ректор Университета *Н. Лобачевский*.

На литографированном бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. От *ректора* императорского Казанского университета. В Казани. *Сентября* 27 дня 1830 года № 485».

Помета: «№ 274».

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 3973.

Впервые в кратком изложении использовано у Э. П. Янишевского «Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского», Казань, 1868, стр. 50—52. О холере в Казани и о мерах, принятых против нее в Казанской гимназии, см. в воспоминаниях А. Е. Лаварева (В. Владимиров. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии, ч. 2, отд. 2, стр. 206—207).

Из письма Л. Е. Растовской к И. Е. Великопольскому
1 ноября 1830. Ижевский завод

Приятель твой Лобачевской во время холеры твердостью духа и попечениями заслужил всеобщую любовь, а мы ему благодарны за то, что он всякую почту пишет к Праск[овье] Ерм[олаевне] листах на восьми и потому мы более знаем о происходящем в Казани через его письма, чем сами бы были там.